

П. В. Седов

Судьба кремлевского двора боярыни Ф. П. Морозовой в контексте ее противостояния с царем

Расправа царя Алексея Михайловича с боярыней Феодосией Прокофьевной Морозовой принадлежит к числу знаковых событий отечественной истории. Известная картина В. И. Сурикова запечатлела эпизод, когда уже опальную боярыню везут с ее двора в заточение. В «Повести о боярыне Морозовой» читаем: «И везена бысть мимо Чюдов монастырь под царские переходы. Руку же простиерши десную свою великая Феодора и ясно изобразивши сложение перст <...>. Мняше бо святая, яко на переходах царь смотряет победы ея»¹. До сих пор оставалось неизвестно, где находился двор Феодосии Прокофьевны. Ответ на этот вопрос и является предметом данной статьи. Он позволяет яснее представить смысл и перипетии этой трагической истории, в которой, как в капле воды, отразилась проблематика церковного раскола в целом.

Споры вокруг раскола русской церкви XVII в. занимают исследователей уже не одно столетие. Реформированная при патриархе Никоне церковь считала всех, кто выступал против обрядовых изменений, еретиками и раскольниками и только в XX в. признала дониконовские обряды одинаково спасительными наряду с собственными. Так в чем же тогда состояли причины раскола Русской православной церкви?

Вершиной дореволюционной историографии проблемы стало фундаментальное исследование Н. Ф. Каптерева. Ученый пришел к выводу, что раскол Русской православной церкви был основан «с начала до конца на недоразумении», поскольку формально правы были именно старообрядцы, сохранявшие

древний обряд². Однако массовость старообрядческого движения заставляет искать более существенные причины, чем просто «недоразумение». В советской историографии раскол рассматривался преимущественно как выражение социального и даже антицерковного протеста³. Тем самым готовность умереть за свои религиозные убеждения понималась как борьба с церковью. В последние годы высказаны оригинальные оценки явления как чисто «семиотической проблемы»⁴ или несостоявшейся Реформации⁵. Сознавая, как много было сделано нашими предшественниками в осмыслении раскола XVII в., приходится признать, что ни одна из вышеприведенных оценок не может вполне объяснить историю трагической судьбы боярыни Морозовой.

Большая часть сведений о конфликте Ф. П. Морозовой, ее родной сестры княгини Е. П. Урусовой, а также третьей страдальницы за свои убеждения — Марии Герасимовны Даниловой — известна из «Повести о боярыне Морозовой» (далее: Повесть), написанной, видимо, братом боярыни — окольным Ф. П. Соковниным после ее кончины, а также из сочинений Аввакума — духовного отца Феодосии Прокофьевны.

Сведения о местопребывании в Москве самого Аввакума после возвращения из сибирской ссылки весной 1664 г. находим в Прянишниковском списке его «Жития». Царь указал поселить строптивного протопопа так, чтобы тот постоянно был на виду: «Велел поставить в Кремле на Новодевичье подворье, и в походы, мимо двора моего ходя, кланяючися со мною, сам о здоровье спрашивал, благословляючися часто»⁶. Подворье Новодевичьего монастыря в Кремле стояло на Спасской улице как раз на пути царских выездов, рядом с Чудовым и Вознесенским монастырями.

О дворе боярыни Морозовой Аввакум упоминает несколько раз, но без точного указания на его местоположение. В другом списке «Жития» находим развернутое свидетельство о проживании протопопа в 1664–1666 гг. в доме боярыни Морозовой: «У света моей, у Федосьи Прокопьевны Морозовы, не выходя, жил во дворе, понеже дочь мне духовная <...>. И у Анны Петровны Милославские покойницы всегда же в дому был»⁷.

В сочинении «О трех исповедницах слово плачевное» Аввакум дважды упомянул о своем пребывании в доме Морозовой: «Бывало сижю с нею и книгу чту, а она прядет и слушает, или отписки девицы пред нею чтут, а она прядет и приказывает, как девице грамота в вотчину писать». Далее Аввакум описал запомнившийся эпизод: «Бысть же в Петров день пожар великий в Москве, и приближающийся огонь ко двору ея; аз бо замедлив в дому Анны Петровны Милославские, добра же ко мне покойница была. Егда же приидох к Федосье в дом, и двое нас, отшед, тайно молебствовали <...>. Чюдно бо видимое: отвратило пламя огненное от дому ея. Обыде и пожже вся окрест дому ея, а за молитв ея и прочих не вредило тут. Аз же тому бысть самовидец сам <...>»⁸. Обращают на себя внимание слова Аввакума, что он жил не столько на подворье Новодевичьего монастыря, куда его определили по царскому указу, сколько на дво-

рах своих единомышленниц, причем особенно в доме боярыни Морозовой: «...не выходя, жил во дворе».

Как следует из публикуемого в Приложении спорного дела, боярыня Морозова жила в Кремле, в доме, ранее принадлежавшем ее шурину боярину Борису Ивановичу Морозову. Это обширное подворье с каменными палатами находилось на самом видном месте при въезде в Кремль через Спасские ворота. Оно выходило на Ивановскую площадь и вполне соответствовало положению боярина Б. И. Морозова как правителя страны в первые годы царствования Алексея Михайловича (см. схему). После смерти Б. И. Морозова 1 ноября 1661 г. подворье перешло к его родному брату боярину Г. И. Морозову, который скончался в следующем году, 17 декабря. Затем этот двор был записан за малолетним сыном Глеба Ивановича — стольником Иваном Глебовичем, а фактически оказался во владении его матери, вдовы боярыни Феодосии Прокофьевны.

Из приложенного плана видно, что подворье боярина Б. И. Морозова, перешедшее во владение его невестки и племянника, граничило с подворьем Новодевичьего монастыря, куда царь поселил Аввакума, и территорией Чудова

Местоположение кремлевского двора бояр Морозовых в 1660-х — 1670-х гг.

монастыря. Эти три кремлевских дворовых участка стали основными местами действия в истории боярыни Морозовой. Аввакум был соседом боярыни Морозовой и потому «всегда» бывал в ее доме. Вероятно, она стала его духовной дочерью, когда он по-соседски часто бывал в ее доме. Во время пожара он естественным образом укрылся в каменных палатах боярыни Морозовой, чья многочисленная челядь сумела отстоять подворье. Стоявший по соседству Чудов монастырь, в котором Морозовы были вкладчиками и где были похоронены Б. И. и Г. И. Морозовы, а затем и сын боярыни Феодосии Прокофьевны — стольник Иван Глебович, также закономерно станут основным местом действия драматической истории расправы над боярыней.

Обратимся к опубликованному в приложении спорному земельному делу. В 7154 (1645/46) г. боярин Б. И. Морозов поменял свой двор у Троицких ворот на подворье Новодевичьего монастыря на Спасской улице. Полтора года спустя после его смерти вдова Анна Ильинична Морозова, родная сестра царицы Марии Ильиничны, била челом о записи за ней бывшего Новодевичьего подворья, поскольку ее покойный муж не успел записать эту мену в Земском приказе. Меновая запись погибла во время московского восстания 1648 г., когда «двор мужа ее воровские люди разорили и розграбили без остатку и государевы жалованные и послушные вотчинные грамоты и всякие крепости рознесли и передрали» (См.: Приложение. Сст. 18). Такова была полная превратностей судьба собственности, пожалованной царем за верную службу. Во времена фавора и величия временщика его двор возвышался в самом центре Кремля, в дни смуты становился объектом народной ненависти, но затем законным порядком, т.е. по царской милости, переходил в собственность родни, если та продолжала верой и правдой служить государю.

Однако вдруг царь пожаловал кремлевский двор Морозовых Новодевичьему монастырю. Игуменья Мелания подала об этом челобитную 18 июня 1668 г. и уже через неделю получила жалованную грамоту на свое прежнее подворье в Кремле. Судя по помете на челобитной Мелании, дело рассматривал сам государь, а записал его указ дьяк приказа Тайных дел Федор Михайлов (См.: Приложение. Сст. 15–17).

Временная утрата владельческих прав Ф. П. Морозовой и ее сына на кремлевское подворье связана с первым конфликтом царя с боярыней, случившимся в 1666 г. В Москву для суда над Никоном и для решения судьбы его нововведений ехали вселенские патриархи. Накануне их прибытия Алексей Михайлович потребовал от Ф. П. Морозовой хотя бы внешне подчиниться церковной реформе. Заседания церковного собора с участием вселенских патриархов должны были состояться в Чудовом монастыре, и жившая по соседству боярыня, вкладчица этого монастыря, легко могла найти повод испортить благолепие официального осуждения противников реформы. После отказа Ф. П. Морозовой подчиниться царь конфисковал половину ее вотчин, в том числе, видимо, и ее кремлевский двор. Тогда Феодосия Прокофьевна всё же смирилась, и царь

вернул ей имущество⁹. Вот почему в другой челобитной 1673 г. игуменья Мелания сообщила, что в 1668 г. уже и данная была ей вручена на спорное подворье, но «на том-де дворе жила боярыня Глеба Ивановича Морозова жена вдова Федосья и тем их старым монастырским подворьем владеть им не дала». Тяжба за кремлевское подворье между Новодевичьем монастырем и Ф. П. Морозовой тянулась долгое время, о чем свидетельствует память 24 сентября 1668 г. с повелением записать двор всё же за монастырем (См.: Приложение. Ст. 7, 22). На деле вернуть это подворье Новодевичий монастырь тогда всё же не сумел, поскольку за Ф. П. Морозову заступилась царица Мария Ильинична, у которой Феодосия Прокофьевна служила «четвертой боярыней». Вынужденное «малое лицемерие» доверенной боярыни царицы сохранило за ней высокий придворный статус, богатый кремлевский двор и обширные земельные владения, а также надежды на будущую успешную службу сына, которому тогда было около двенадцати лет.

Ситуация изменилась после кончины царицы Марии Ильиничны в 1669 г. Алексей Михайлович выбрал себе новую супругу Наталью Кирилловну, и на царской свадьбе боярыня Ф. П. Морозова должна была приветствовать новую царицу и «титлу царскую говорить». Однако она демонстративно отказалась присутствовать на церемонии, сославшись на болезнь ног, и тем самым нарушила благолепие царской свадьбы. При новой царице ей не было места во дворце, и она приняла тайный постриг от старообрядческого священника Досифея. Отныне она стала инокиней Феодорой, готовой твердо стоять за свои убеждения.

Дело было не только в том, что после смерти прежней царицы Морозову некому было защитить, а ее кремлевский двор вот-вот снова мог быть передан другому владельцу, но еще и в том, что конфликт с царем приобрел характер личной обиды с обеих сторон. Поступок Ф. П. Морозовой глубоко задел царя, который заявил: «Вем, яко загордилася». Алексей Михайлович «все бо лето зело на ню гневался, и начат вины искати, како бы ю аки не туне изгнати»¹⁰. Царь мог запросто выслать строптивую боярыню из столицы в одну из ее многочисленных вотчин, но он непременно желал добиться покорности от боярыни из знатного и богатого рода. Это был вопрос принципа. Вот почему Алексей Михайлович «паче гневом распаяшася, мысля ю сокрушити. И глаголя предстоящим: “Тяжко ей братися со мною — един кто от нас одолеет всяко”»¹¹. Палаты непокорной боярыни постоянно напоминали царю, что неповиновение самодержцу осталось безнаказанным.

Царь послал к Ф. П. Морозовой ее дядю — М. А. Ртищева с дочерью Анною, которые «многожды и у нея в дому седяше». Они угрожали боярыне тем, что «на дом твой огнепальная ярость царева, и повелит дом твой разграбити — тогда сама многи скорби подимеши и сына своего нища сотвориша своим немилосердием»¹². Однако боярыня не уклонилась от конфликта, как в 1666–1668 гг. Она не ушла в монастырь, не уехала из столицы в далекую вотчину и решительно отказалась даже для вида перекреститься троеперстно.

16 ноября 1671 г. царь отправил в дом к Ф. П. Морозовой архимандрита Чудова монастыря Иоакима и думного дьяка Л. И. Иванова, которые застали там княгиню Е. П. Урусову, решившую разделить участь сестры. После очередного отказа сестер признать троеперстное крещение Иоаким отправился к царю спросить, что делать с княгиней Евдокией Урусовой, о расправе над которой царь еще не отдал приказа.

В связи с установлением местоположения двора Ф. П. Морозовой становятся более понятными детали дальнейшего рассказа «Повести». Всего несколько сотен шагов отделяли палаты боярыни от царского дворца и, если бы не колокольня Ивана Великого с Филаретовой звонницей, то из окон морозовского дома царский дворец был бы виден целиком. Эти две архитектурные доминанты по разные стороны Соборной и Ивановской площадей зримо воплощали противостояние самодержца и его подданной, противостояние, за которым со страхом наблюдал весь двор.

Иоаким «скоро потече, и прииде к царю». Когда Алексей Михайлович распорядился схватить обеих сестер, муж Евдокии — кравчий князь П. С. Урусов — «ту стоя и слышав сия словеса, оскорбися, а помощи делу невозможно». Можно себе представить, что мог чувствовать муж, когда при нем царь указал арестовать его жену. Архимандрит Иоаким вернулся на морозовское подворье и объявил ей: «...царское повеление постиже на тя, еже отогнати тя от дому твоего. Полно тебе житии на высоте, сниде долу, восстав, иди отсюда». Боярыня отказалась повиноваться, и тогда «принесоша кресла и посадивше ю, повелением Иоакимовым, и несоша на низ». Сын Иван Глебович проводил мать «до среднего крыльца и поклонився ей созади, она и не видячи его, и паки возвратися вспять». Феодосия Прокофьевна жаловалась на болезнь ног, не позволившую ей присутствовать на царской свадьбе. Именно ее ноги были закованы в «железа конские». В таком положении боярыня и ее сестра просидели два дня в людском подклете собственных палат¹³.

Затем на подворье явился думный дьяк Л. И. Иванов, он приказал снять с опальных железа и идти, «идеже поведут». Боярыня отказалась и велела слугам нести ее. «И принесоша сукна и посадившее ю, несоша повелением думнаго до Чудов монастыря, с нею же ведена и княгиня Евдокию»¹⁴. Чудов монастырь стоял по соседству с морозовским подворьем и, поскольку члены семьи была вкладчиками монастыря, подворья наверняка соединялись воротами или калиткой. Так что, надо думать, боярыню даже не пришлось выносить на улицу. Можно себе представить эту сцену: знатную боярыню, одного из крупнейших землевладельцев страны, свойственницу царя несут как преступницу «на сукнах» вон с ее богатого двора. При этом архимандрит монастыря, состоявшего под патронажем семьи Морозовых, не защищает свою благодетельницу, а, напротив, послушно исполняя царскую волю, сопровождает свою соседку на муки. Если бы во времена В. И. Сурикова об этом было известно, может быть, художник выбрал бы эту сцену для своей известной картины.

В палате Чудова монастыря непокорных женщин допрашивали крутицкий митрополит Павел, чудовский архимандрит Иоаким и думный дьяк Ларион Иванов. Допрос Феодоры и Евдокии подробно описан в «Повести». Митрополит Павел вопрошал боярыню, согласна ли она причаститься «по тем служебником, по коим государь царь причащается и благоверная царица, и царевичи, и царевны?». Когда же Морозова решительно отказалась, то митрополит воскликнул: «И како убо ты о нас всех мыслиши, еда вси еретицы мы?»¹⁵ Логика этого вопроса весьма точно отражает суть явления раскола. Спор шел не только и даже не столько о вере, сколько о подчинении власти, которая единственно имела право решать религиозные вопросы. Сопrotивление церковной реформе воспринималось как неподчинение государю. В вопросах веры следовало ориентироваться на мнение царя, царицы, царевичей и царевен (патриарх и прочие архиереи, как это ни странно, в данном случае даже не упомянуты), в противном случае непокорный становился еретиком.

После допроса двух женщин вернули в тот же подклет морозовского дома, причем боярыню опять несли «на сукне» ее люди. На следующее утро на их шеи возложили цепи, посадили на дровни и повезли в разные стороны. Евдокию отправили в Алексеевский монастырь, а Феодору — мимо Чудова монастыря под царские переходы — на подворье Печерского монастыря¹⁶. Дальнейшее описание мученичества сестер (затем к ним присоединили их единомышленницу Марию Герасимовну Данилову) не входит в задачи данной статьи¹⁷.

Из-за отсутствия сведений о местоположении двора боярыни Морозовой исследователи оставили без внимания ряд важных деталей. Кремлевский двор Ф. П. Морозовой был записан на ее сына, который умер вскоре после ареста боярыни. В «Житии» Аввакума есть смутное упоминание о слабом здоровье Ивана Глебовича: «...в муках скончался робя, <...> мучился и света не видал все дни живота своего»¹⁸. Эта смерть спровоцировала алчность тех, кто желал получить столь вождеденную собственность в самом центре Кремля. Об этом в «Повести» находим пространный и сочувственный рассказ: «После Ивановы же смерти все имение расточи; отчины, стада коней разда боляром, а вещи все златья и сребренья, и жемчужныя и иже от драгих камней все распродати повеле. И разоряюще полату, множество злата обретоша в стене заздано. Един же от раб Федориных Иван повелением госпожи своя некия драгия вещи положи у некоего, мняше верна бытии. И наваждением жены его предан бысть и мучен велми, огнем жгом и прочее истязаем ошестером. И вся претерпе доблестне и аки добрый раб, и верный нелицемерне поревнова госпожи своей. Наконец сожжен в Боровске с прочими мученики»¹⁹. Не забудем, что эти слова принадлежат брату боярыни Морозовой, который имел определенные права на ее собственность. Ф. П. и А. П. Соковнины сумели получить лишь малую толику богатств сестры. Часть своего имущества (сундук и «две коробки») Феодора пыталась укрыть в Троице-Сергиеве монастыре, но в ноябре 1672 г. эти ценности были обнаружены властями и переданы ее братьям²⁰.

Тот факт, что, идя на конфликт с царем, Феодора спрятала часть своих сокровищ, позволяет допустить, что она могла рассчитывать на благоприятный для нее в конце концов исход противостояния. Она чувствовала поддержку родни, многих влиятельных людей при дворе, в том числе и сочувствовавших старообрядцам, уповала на то, что ее богатства и знатность рода утишат царский гнев.

Даже патриарх Пителир просил царя пощадить женщин-староверок: «...советую боярыню ту Морозову вдовицу, кабы ты изволил, паки дом ея отдати ей и на потребу ей дворов бы сотницу христиан дал, а княгиню ту тоже бы князю отдал, так бы дело то причнее было; женское бо их дело, что они много смыслят?»²¹ Впрочем, намаявшись с упрямой боярыней Морозовой, патриарх затем в соответствии с буквой Соборного уложения, «велми просил Феодору на сожжение», но уже государева Дума не поддержала столь сурового решения: «...боляре не потянули», причем старейший боярин князь Ю. А. Долгорукий решительно выступил против казни представительницы знатной боярской семьи, состоявшей с ним в родстве²².

Значительная часть придворных сочувствовала трем женщинам, ставшим за «древнее благочестие». Даже принявший церковную реформу М. А. Ртищев, которого царь посылал до того уговаривать боярыню Морозову, не без участия следил за мученичеством женщин, принадлежавших к цвету придворной знати: «К Евдокии же не единою приеждал и Михаил Алексеевич, и, у окна стоя, с умилением глаголаше: “Удивляет мене ваше страдание, едино смущает мя — не вем, аще за истину терпите?”»²³

Царя заботила широкая поддержка Морозовой со стороны столичной знати. Когда Феодору перевели в Новодевичий монастырь, то сюда «от велможных жен толико множество притецаху, яко монастырю всему заставлену бытии рыдванами и коретами». Люди стекались в монастырь «не молбы ради», а чтобы посмотреть на «крепкое терпение» Морозовой²⁴.

Наконец, за Морозову заступилась старшая по возрасту среди всего царского дома царевна Ирина Михайловна, которая была последовательной противницей никоновской реформы. Она приходилась крестной самому государю и от имени родни попеняла Алексею Михайловичу на чрезмерность его гнева: «Потом рече царю сестра его старейшая Ирина: “Почто, брате, не влепоту твориши и вдову ону бедную помыкаеши с место на место? Нехорошо, брате! Достойно было попомнити службу Борису и брата его Глеба!”»²⁵ Надежды Морозовой на поддержку столичной знати оказались тщетны. Глубоко укоренившиеся представления о святости царской власти не позволяли даже подерживавшим Морозову идти далее сочувствия. Собственность, служебное продвижение, придворное влияние, местнический статус — всё так или иначе зависело от государя.

Среди столичных верхов развернулась ожесточенная борьба за богатства Морозовой. 30 ноября 1671 г., еще до того как в раздачу пошли ее многочис-

ленные вотчины, власти Новодевичьего монастыря били челом о передаче им кремлевской усадьбы опальной боярыни, а 10 декабря того же года они уже добились своего. Однако царская милость бывала переменчива. В 1673 г. архимандрит Иоаким добился передачи подворья боярыни Морозовой в собственность Чудова монастыря (См.: Приложение. Ст. 7, 11, 14, 23). Такова была царская благодарность за рвение Иоакима в допросах и пытках Морозовой. Владельческие права Чудова монастыря на пожалованное подворье боярыни Морозовой были подтверждены жалованной грамотой царя Федора Алексеевича 23 июня 1677 г. (См.: Приложение. Ст. 43–47).

В конце 1675 г. трое женщин-староверок одна за другой угадали от голода в боровской тюрьме: царь почел за лучшее заменить открытую казнь тайным умерщвлением.

Разумеется, отдельно взятая история боярыни Морозовой не может вместить в себя всего многообразия проблем раскола Русской православной церкви. Но в этой истории можно разглядеть характерные черты этого явления.

Полная крутых поворотов судьба морозовского подворья в Кремле отразила процесс возвышения самодержавной власти над сословиями. Исключительное право государя распоряжаться собственностью подданных мешало им сплотиться для отстаивания своих интересов, делало послушными исполнителями царской воли. Это касалось и вопросов веры, которые всецело находились под контролем царской власти. То же относилось и к собственности: кремлевское подворье боярыни Морозовой досталось тем, кто безоговорочно повинился государю. Архимандрит Иоаким добился того, чтобы стоявшее по соседству с монастырем величественное подворье бояр Морозовых отошло к Чудову монастырю. Немалую роль в этом сыграла позиция Иоакима в церковных делах. На царский вопрос о его отношении к церковной реформе Иоаким заявил: «...не знаю старые веры, ни новые, но что велят начальницы, то и готов творить и слушать их во всем»²⁶.

Такая позиция позволила Иоакиму сделать выдающуюся церковную карьеру и стать по царской милости новгородским митрополитом, а затем и патриархом. В этом качестве он отличился самыми суровыми гонениями на старообрядцев: принятые по его инициативе статьи 1685 г. требовали хватать тех из них, кто намеревался сгореть во имя верности дониконовскому церковному обряду, с тем, чтобы затем сжигать их по царскому указу как еретиков. Таким образом, неограниченная царская власть превратила споры вокруг церковного обряда в «раскол» и только после падения самодержавия церковь нашла в себе силы покаяться за жестокие преследования старообрядцев.

В фонде 125 (Монастырские дела) Российского государственного архива древних актов под № 16 находится судебное дело 1677 г. о владении кремлевским двором, принадлежавшим ранее боярину Б. И. Морозову и его наследникам — брату боярину Г. И. Морозову и сыну последнего И. Г. Морозову. Это дело имеет сложную структуру: внутри дела 1677 г. помещено более раннее

подлинное дело 1674 г. Последнее началось исковой челобитной 1674 г. архимандрита Чудова монастыря Варнавы, келаря Варлама Палицына «з братьею» о пожаловании им бывшего двора боярина Б. И. Морозова, граничившего с дворовым участком Чудова монастыря. Это дело завершилось царским указом 20 мая 1674 г. о передаче морозовского двора: «...для кладбищ усопших в Чюдов монастырь против прежняго своего государева указу» и о выдаче об этом царской жалованной грамоты. Судебное дело 1674 г. было надлежащим образом оформлено: имело скрепу по сствам думного дьяка Лариона Иванова (Приложение. Стт. 5–32).

В 1677 г. уже решенное царем Алексеем Михайловичем дело было возобновлено в связи с челобитной Новодевичьего монастыря о пожаловании этого двора и встречной челобитной властей Чудова монастыря о подтверждении их прав на это подворье и выдаче жалованной грамоты. При оформлении дела 1677 г. предыдущее подлинное дело 1674 г. было целиком включено в состав нового.

Архивное дело имеет заголовок, сделанный почерком XIX в.: «7185/1677-го марта 29. — Дело о препровождении из Стрелецкого приказу в Посольский прошения Чудова монастыря архимандрита Павла с братиею касательно отдачи в оный монастырь близ находящегося в Кремле двора боярина Бориса Ивановича Морозова с выпискою и с белою с сей выписки жалованною на тот двор грамотою». Ниже публикуется текст всего дела 1677 г., включая и самую информативную его часть — дело 1674 г.

Приложение

1676 г. марта 6–1677 г. июня 23. — Дело по челобитной архимандрита Чудова монастыря Павла с братией о пожаловании им бывшего двора боярина Бориса Ивановича Морозова в Кремле.

(*сст. 1.*) Челобитье и выписка Чюдова монастыря архимандрита Павла да келаря старца Варлама з братьею боярина Бориса Ивановича Морозова о дворе, которой по нем отдан и пригорожен в Чюдов монастырь для кладбища и помяновения души ево боярские. Принесено в Посолской приказ из Стрелецкого приказу во 185-м году марта в 9 день. Тут же и черновая жалованная грамота. //

(*сст. 2.*) Лета 7185-го марта в 29 день по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу память дьяком думному Лариону Иванову да Василью Бобину, да Емельяну Украинцову, да Петру Долгову. В прошлом во 182-м году блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу били челом Чюдова монастыря архимандрит Павел з братьею о дворе боярина Бориса Ивановича Морозова,

что в Кремле городе возле Чюдова монастыря, чтоб тот двор для утеснения монастырские службы отдать в Чюдов монастырь. И по тому их челобитью тот двор велено отдать в Чюдов монастырь и дать жалованную // (сст. 3) грамоту. И в нынешнем во 185-м году великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу били челом Чюдова монастыря архимандрит Павел з братьею, чтоб великий государь пожаловал их, велел о том дворе свой великого государя указ учинить. И великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец указал то их челобитье и выписку за твоею, Ларионовую, пометою и с той выписки белую жалованную грамоту отослать в Посольской приказ и указ учинить вам дьяком думному Лариону Иванову и Василью, и Емельяну, и Петру из Стрелецкого приказу. //

(сст. 3 об.) Учинить по сему его, великого государя, указу и выписку и жалованную его государеву грамоту, осмотря подлинно, у подьячего принять. //

(сст. 4) То челобитье и выписка и с той выписки белая жалованная грамота в Посольской приказ послано Стрелецкого приказу с подьячим з Борисом Ивановым. И по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу дьяком думному Лариону Иванову да Василью Бобинину, да Емельяну Украинцову, да Петру Долгову учинить о том по указу великого государя. //

(сст. 4 об.) Справил Пашка Безсонов. //

По сст. 2 об. — 4 об. скрепа: Дьяк Леонтий Кондратов.

(сст. 5) Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьют челом твои государевы богомольцы Чюдова монастыря архимандрит Варнава, келарь Варлам Палицын з братьею. Пожаловал ты, великий государь, в дом чудотворцов двор боярина Бориса Ивановича Морозова на помяновение душам их. А за тот двор взято у нас денег тысяча пятьсот рублей и отданы в Новой девичь монастырь. А в тех, государь, денгах росписки нам, богомолцом твоим, не дано, а выпискаде о жалованной грамоте в Стрелецком приказе згорела. Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй нас, своих государевых богомольцов, вели, государь, нам о том дворе свой государев указ учинить, чтоб тех денег за тот двор на нас впредь не спрошали и вели, государь, нам дать росписку и свою государеву жалованную грамоту, почему нам тем двором владеть. Царь государь, смилуйся. //

(сст. 5 об.) Выписать. //

(сст. 6) А о чем великому государю царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу Чюдова монастыря архимандрит Варнава да келарь Варлам Палицын з братьею бьют челом.

И против их челобитья выписано.

В прошлом во 181-м году великому государю царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу били челом Новодевича монастыря игуменья Мелания да наместница старица Антонида с сестрами, а к сыскным делам прислали челобитную. А в челобитной их написано: боярин-де Борис Иванович Морозов променил им на монастырское их подворье в Кремле городе в межах по правую сторону Спаского мосту, по другую сторону Чюдова монастыря, по третью сторону Вознесенского девича монастыря на свой двор в Кремле городе у Троицких ворот, в межах по сторонь ограда каменная городовая, по другую сторону болшая дорога, по третью сторону двор боярина Федора Ивановича Шереметева. И даную им на тот двор дал. И тот-де их променной двор взят на великого государя и поставлены на том их променном дворе каменные житницы, а им-де дан на время для монастырского приезде подворье из Володимеря Рождественного монастыря в Кремле ж городе. И с того подворья того монастыря архимандрит их ссылат. И в прошлом-де во 176-м году по их челобитью велено им на подворье отдать старое их подворье, // (сст. 7) что они променили боярину Борису Ивановичю, и данная им на тот двор из Земского приказу была дана. И на том-де дворе жила боярыня Глеба Ивановича Морозова жена вдова Федосья и тем их старым монастырским подворьем владеть им не дала. И великий государь пожаловал бы их, велел им для монастырского приезде то их старое монастырское подворье, что в Кремле городе, по прежнему своему великого государя указу и по даной отдать.

И в прошлом ж во 181-м году били челом великому государю царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу Чюдова монастыря архимандрит Иоаким да келарь Варлам Палицын: в Чюдове-де монастыре боярин Борис Иванович и родители ево вкладчики, и он-де боярин Борис Иванович и жена ево Анна Ильична и брат ево боярин Глеб Иванович Морозовы погребены в Чюдове монастыре. И великий государь пожаловал бы их для поминовения бояр Бориса да Глеба Ивановичев Морозовых и боярыни Анны Ильичны велел тот двор боярина Бориса Ивановича, что в межах к Чюдову монастырю, для монастырские службы и для кладбищ усопших отдать со всем // (сст. 8) строением в Чюдов монастырь.

И по тому их челобитью Новодевича монастыря у стряпчего о прежнем их подворье, что променено было боярину Борису Ивановичю Морозову, взяты были с меновной записи да з даной, какова им дана была из Земского приказу, на то ж их старое монастырское подворье списки за рукою.

И по указу великого государя двор боярина Бориса Ивановича Морозова и подворье из Володимеря Рождественного монастыря вымерены были, и по то подворье выписано было в Земском приказе ис писцовой книги.

И июня в 11 день прошлого 181-го году по выписке великого государя докладывал думной дьяк Ларион Иванов.

И великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, слушав той выписки и челобитья Чюдова монастыря архимандрита Варнавы з братьею указал подворье Новодевича монастыря и двор боярина Семена Васильевича Головина, а после было то подворье и двор за боярином за Борисом Ивановичем // (сст. 9) и за племянником ево за Иваном Глебовым сыном Морозовым, отдать для поминовения бояр Бориса и Глеба Ивановичев и столника Ивана Морозова и боярыни Анны Ильичны в Чюдов монастырь с полаты и с погребы, и с церковью, и с церковною потребою и дать в Чюдов монастырь свою великого государя жалованную грамоту. А в то число дать в Новодевичь монастырь на подворье порозжее место, что бывало подворье из Володимеря Рожественного монастыря в Кремле у Николаевских ворот против писцовых книг. А на строенье и за подворье Новодевича монастыря дать ис Чюдова монастыря в Новодевичь монастырь денег тысячу пятьсот рублей, а деревянные хоромы отдать в Новодевич же монастырь на кельи.

Помета о том на выписке думнаго дьяка Лариона Иванова.

И по тому великого государя указу из Чюдова монастыря денги тысяча пятьсот рублей взяты и отданы в Новодевич монастырь, а хормное строенье свезли в Новодевичь же монастырь. //

(сст. 10) В нынешнем во 182-м году февраля против 25-го числа та выписка в пожар Стрелецкого приказа згорела, а росписка в денгах в 1500 рублей, которые взяты ис Чюдова монастыря и отданы в Новодевич монастырь, от пожару осталась и подклеена под сию выписку.

А в росписке пишет. //

(сст. 11) 181-го июля в 7 день по указу великого государя ис Стрелецкого приказу в Новодевичь монастырь взято Чюдова монастыря денег полторы тысени рублей за дворовое место, что в Кремле, которое было променено боярину Борису Ивановичю Морозову подворье Новодевича монастыря. А в тех денгах росписался Новодевича монастыря наместница старица Антонида. //

(сст. 11 об.) Намесница Новодевича монастыря старица Антонида в полторы тысени рублем росписался своею рукою.

Такову росписку принес и денег полторы тысени рублей взял Новодевича монастыря казенной подьячей Гараска Пыпин и руку приложил. //

(сст. 12) И ныне великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьют челом Чюдова монастыря архимандрит Варнава, келарь Варлам Палицын з братьею. Пожаловал великий государь в дом чюдотворцов двор боярина Бориса Ивановича Морозова на поминовение душам их, а за тот двор взято у них денег 1500 рублей и отданы в Новодевич монастырь, а в тех денгах росписки им не дано, а выписка о жалованной грамоте в Стрелецком приказе згорела. И великий государь пожаловал бы их, велел им о том дворе свой государев указ учинить и дать им жалованную грамоту, почему им тем двором владеть. И по указу великого

государя двор боярина Бориса Ивановича Морозова и подворье из Володимеря Рожественного монастыря, что дано для приезде на подворье ж девича монастыря вымерено и из писцовых книг выписано. Да взяты в Новодевиче монастыре з данных книг списки того монастыря за рукою стряпчего Матвея Скрябина, а в них пишет. //

(сст. 13) Список з данной слово в слово.

Лета 7121-го декабря в 18 день по приговору боярина и воеводы князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого да стольника князя Дмитрея Михайловича Пожарского и по челобитию за пометою боярина и воеводы князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого Иван Михайлович Ласкирев да Офонасей Федорович Зиновьев, да дьяки Дорога Хвицкой, да Офонасей Царевской дали Пречистые Богородицы Нового девича монастыря игуменье Домникое с сестрами дворовое место в Кремле городе подле Вознесенского монастыря. А на том месте полата, вверху четыре переделы да в исподи пять переделов да два погребка каменные. А дано им было то место Петровское Головина против того, что при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всея Руси в старых их полат место, которые у них полаты отданы в Вознесенской монастырь. И в Вознесенском монастыре на том месте и в полатах поставили трапезу. И игуменье Домникое с сестрами теми полаты и погребы, что им дано в их полат место Петра Головина, владети и на том месте двор строити по старым межам как то дворовое место было за тем монастырем. //^a*(сст. 15)* блаженные памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всея Руси. К сей данной Иван Михайлович Ласкирев да Офонасей Федорович Зиновьев печати свои приложили. А у подлинной данной припись дьяка Офонася Царевского. //

(сст. 14) Список з данной слово в слово.

Лета 7180-го декабря в 10 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу думной дворянин Прокофей Козмич Елизаров да Семен Васильевич Ларионов да дьяк Федор Протопопов дали даную Пречистыя Богородицы Одегитрия Новаго девича монастыря игуменье Меланье да намеснице старице Антониде с сестрами на прежнее их подворье, что в прошлом во 155-м году променено было боярину Борису Ивановичю Морозову в Кремле городе потому. В прошлом во 176-м году июня в 25 день в памяти ис приказу Большого дворца за приписью дьяка Андрея Селина написано. В прошлом во 176-м году июня в 18 день били челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу Пречистые Богородицы Одегитрия Нового девича монастыря игуменья Меланья да намесница старица Антониде с сестрами: по указу-де великого государя после боярони Анны Ильичны Морозовы отдано им в Кремле прежнее их мо-

^a Порядок сставов перепутан: после сст. 13 должны следовать сст. 15, 14, 16.

настырское подворье, // (сст. 16) что променено было боярину Борису Ивановичу Морозову, и на то-де подворье великого государя жалованные грамоты им не дано. И великий государь их пожаловал бы, велел на то подворье дать им свою государеву жалованную грамоту, почему впредь владеть. И великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец пожаловал игуменью Меланью да намесницу старицу Антониду с сестрами, велел прежнее их монастырское подворье в Кремле городе, что променено было боярину Борису Ивановичу Морозову, записать в Земском приказе в книгу за Новодевичьим монастырем и дать на то подворье даную. Помета о том на челобитной приказу великого государя // (сст. 17) Тайных дел дьяка Федора Михайлова. И против той памяти выписано в Земском приказе в писцовых книгах Кремля города письма и меры Ивана Писемского 147-го году написано: подворье Новодевичья монастыря вдоль дватцать шесть сажень с четью, поперег от Большой улицы, что к Спаским воротам, девятнадцать сажень с четью, а от Чюдова монастыря поперешнику осматцать сажень без чети, и учинен поперечник осмнатцать сажень с полусаженью. Двор боярина Бориса Ивановича Морозова вдоль по передним воротам от улицы тритцать одна сажень, а поперешнику от двора боярина Федора Ивановича Шереметева семнатцать сажень с получетью, а в другом конце от городских ворот от каменного мосту поперешнику пятнатцать сажень без полполполчети. И учинен // (сст. 18) поперешник семь сажень с полусаженью. Да в дачах прошлаго 171-го году апреля в 14 день написано: марта в 21 день била челом великому государю боярина Бориса Ивановича Морозова жена ево боярыня вдова Анна Ильична, а в челобитной ее написано. В прошлом-де во 154-м году муж ее боярин Борис Иванович променил двор свой в Кремле городе у каменного мосту Новаго девича монастыря игуменье с сестрами на их монастырское подворье в Кремле городе у Спаского мосту. И на тот-де двор игуменьи с сестрами мужу ее боярину Борису Ивановичу дали меновную запись. А в Земском приказе то монастырское подворье за мужем ее за боярином за Борисом Ивановичем по той меновой записи до 156-го году было не записано. А во 156-м году двор мужа ее воровские люди разорили и розграбили без остатку и государевы жалованные и послушные вотчинные грамоты и всякие крепости рознесли и передрали, и та меновная запись на то монастырское подворье в то ж время пропала. И великий государь пожаловал бы ее, велел тот меновой двор по писцовым книгам в Земском приказе в записные дворовые книги записать за нею боярынею вдовою Анною Ильичною и дать ей на тот двор даную. И по указу великого государя боярина Бориса Ивановича Морозова жене ево боярыне вдове Анне Ильичне на тот двор данная из Земского приказу дана. Да в прошлом же во 176-м году июля в 17 день Новаго девича монастыря казенной подьячей Гарасим Пыпин подал меновную запись, и с той записи взят у него к делу за рукою список, а подлинная меновная запись, справясь // (сст. 19) с списком, отдано ему Гарасиму.

И ис списка меновой записи выписано. В прошлом во 155-м году мая в 24 день боярин Борис Иванович Морозов променил в дом Пречистые Богородицы чудотворных иконы Одигитрия Смоленские Новаго девичья монастыря игумень с сестрами двор свой в Кремле городе у Каменного мосту у Знаменских ворот. А в межах тот ево двор: с сторону городовая стена Кремля города, а з другую сторону в межах двор боярина Федора Ивановича Шереметева от городовые стены по мостовую улицу, а с третью сторону в межах у Мостовой улицы, а по четвертую сторону по Мостовой же улицы до городовые стены к Знаменской башне. А по мере того ево двора и с садом длиннику от Знаменской башни подле городовой стены до двора боярина Федора Ивановича Шереметева сорок одна сажень, длиннику ж по другую сторону от троецкого подворья по Мостовой // (сст. 20) улице до двора боярина Федора Ивановича тридцать сажень, а поперешнику от Мостовой улицы подле двора боярина Федора Ивановича Шереметева до городовые стены осмнатцать сажень, в другом конце поперешнику ж подле Мостовой улицы до Знаменской башни осмнатцать сажень с хоромы и со всем дворовым строеньем впрок без выкупу. И против того меновного двора выменил он, боярин Борис Иванович Морозов в Кремле ж городе возле Спаского мосту Новодевича монастыря подворье. А в межах то подворье с сторону ограда каменная Чюдова монастыря, а з другую сторону // (сст. 21) в межах двор боярина Семеновы жены Васильевича Головина боярони вдовы Ульяны Федоровны, а с третью сторону тово ж Семенова двора Васильевича ограда каменная подле Спаского ж мосту, а с четвертую сторону от чудовских задних ворот к Спаскому мосту к той же каменной ограде. А в мере того их двора длиннику боярина Семеновы жены Васильевича Головина вдовы Ульяны Федоровны от двора подле чудовские ограды до чудовских же задних ворот дватцать три сажени, по другую сторону длиннику ж Спаского ж мосту к площади // (сст. 22) подле каменные ограды дватцать сажень. А поперечнику в том их дворе от Спаского мосту подле двора боярина Семеновы жены Васильевича Головина боярони вдовы Ульяны Федоровны дватцать три сажени, а в другом конце поперечнику ото Спаского ж мосту от площади до чудовских задних ворот до ограды ж дватцать девять сажень со всем дворовым строеньем и с хоромы впрעד в род без выкупу. А у подлинной меновой записи вместо боярина Бориса Ивановича Морозова околничей Петр Тиханович Траханиотов руку приложил.

И в прошлом во 177-м году сентября в 24 день думной дворянин Прокофей Кузмич Елизаров да Семен Васильевич Ларионов, да дьяки Федор Протопопов да Иван Рагозин, слушав выписки, велели Новаго девича монастыря за игуменью Меланьей с сестрами прежнее их променное подворье по государеву указу и по памяти из приказу Болшаго дворца справить и дать им на то место даная.

И в нынешнем во 180-м году ноября в 30 день били челом великому государю Пречистые Богородицы Одигитрия Новодевича монастыря игуменья Меланья да намесница старица Антонида с сетрами, а в челобитной их напи-

сано. В прошлом во 176-м году по указу великого государя из приказа Большаго дворца послана память в Земской приказ, а велено // (сст. 23) старое их монастырское подворье в Кремле городе, что променено было боярину Борису Ивановичю Морозову, записать за ними и данную на то подворье дать, почему им впредь владеть. И на то их монастырское старое подворье и по се время данные не дано. И великий государь пожаловал бы их, велел на то их монастырское старое подворье по своему, великого государя, указу даную дать из Земского приказу Пречистые Богородицы Одегитрия Новодевичья монастыря игуменье Меланье да намеснице старице Антониде с сестрами.

На то их старинное монастырское подворье данные не отпущено, потому что то дело было у подьячего у Самойла Чернеева, и тот подьячей лежит болен тому третьей год. А подлинная выписка сыскана у него, Самойла в делах в нынешнем во 180-м году ноября в 3 день. И по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя, и Белья Росии самодержца указу и по памяти из приказа Большаго дворца за приписью дьяка Андрея Селина Пречистые Богородицы Смоленския Новаго девичья монастыря игуменье Меланье да намеснице старице Антониде с сестрами, и хто по них в том монастыре впредь власти будут, прежним подворьем променным, что променили боярину Борису Ивановичю Морозову в Кремле городе подле Чюдова монастыря задних ворот к Мостовой улице к Спаскому мосту, владеть по сей даной. К сей данной думной дворенин Прокофей Кузмич Елизаров печать свою приложил. А у подлинной даной помета дьяка Федора Протопова, а справа подьячего Лариона Феокистова. //

(сст. 24) И ис сих данных списков выписано.

Во 121-м году декабря 18 день дана даная Пречистые Богородицы Новодевичья монастыря дворовое место в Кремле городе подле Вознесенского монастыря, а на том дворе полата вверху четыре переделы да в ысподи пять переделов да два погребца каменные. А дано им было то место Петровское Головина против того, что при государе царе и великом князе Феодоре Ивановиче всеа Руси в старых их полат место, которые у них полаты отданы в Вознесенской монастырь. И в Вознесенском монастыре на том месте и в полатах поставили трапезу. // (сст. 25) Да во 180-м году декабря в 10 день дана даная Пречистые Богородицы Одегитрия Нового девича монастыря на прежнее их подворье, что в прошлом во 155-м году променено было боярину Борису Ивановичю Морозову в Кремле городе, потому что в прошлом во 176-м году июня в 25 день в памяти ис приказу Большаго дворца за приписью дьяка Андрея Селина написано. В прошлом во 176-м году июня в 18 день били челом великому государю Пречистые Богородицы Одегитрия Нового девича монастыря игуменья Мелания да намесница старица Антониде с сестрами. По указу-де великого государя после боярыни Анны Ильичны Морозовы отдано им в Кремле прежнее их монастырское подворье, что променено было боярину Борису Ивановичю Морозову. И на то-де подворье великого государя жалованные грамоты

им не дано. И великий государь пожаловал бы их, велел на то их подворье дать свою государеву жалованную грамоту, почему им впредь владеть. И великий государь пожаловал игуменью Меланию да наместницу старицу // (сст. 26) Антониду с сестрами, велел прежнее их монастырское подворье в Кремле городе, что променено было боярину Борису Ивановичу Морозову, записать в Земском приказе в книгу за Новодевичим монастырем и дать на то подворье даную. Помета о том на челобитной приказу великого государя Тайных дел дьяка Федора Михайлова.

И против той памяти выписано в Земском приказе. В писцовых книгах Кремля города письма и меры Ивана Писемского 147-го году написано: подворье Новодевичья монастыря вдоль дватцать шесть сажень с четью, поперег от Большой улицы, что к Спаским воротам, деветнатцать сажень с четью, а от Чюдова монастыря поперешнику осматцать сажень без чети, и учинен поперечник осматцать сажень с полусаженью. Двор боярина Бориса Ивановича Морозова вдоль по передним воротам от улицы тритцать одна сажень, а поперечику от двора боярина Федора Ивановича Шереметева семнатцать сажень с получетью, а в другом конце от городских ворот от каменного мосту поперечику пятнатцать сажень без полполполучети. И учинен поперечник семь сажень с полусаженью. Да в дачах прошлаго 171-го году апреля в 14 день написано: марта в 21 день била челом великому государю боярина Бориса Ивановича Морозова // (сст. 27) жена ево боярыня вдова Анна Ильична, а в челобитной ее написано. В прошлом во 154-м году муж ее боярин Борис Иванович променил двор свой в Кремле городе у каменного мосту Нового девича монастыря игумень с сестрами на их монастырское подворье в Кремле ж городе у Спаского мосту. И на тот-де двор игумень с сестрами мужу ее боярину Борису Ивановичу дали меновную запись. А в Земском приказе то монастырское подворье за мужем ее за боярином за Борисом Ивановичем по той меновой записи до 156-го году было не записано. А во 156-м году двор мужа ее воровские люди разорили и розграбили без остатку, и государевы жалованные и послушные вотчинные грамоты и всякие крепости рознесли и передрали, и та меновная запись на то монастырское подворье в то ж время пропала. И великий государь пожаловал бы ее, велел тот меновой двор по писцовым книгам в Земском приказе в записные дворовые книги записать за нею боярынею вдовою Анною Ильичною и дать ей на тот двор даная. И по указу великого государя боярина Бориса Ивановича Морозова жене ево боярыне вдове Анне Ильичне на тот двор из Земского приказа даная дана. Да в прошлом же во 176-м году июля в 17 день Новаго девича монастыря казенной подьячей Гарасим Пыпин подал меновную запись, и с той записи взят у него к делу за рукою список, а подлинная меновная запись, справя с списком, // (сст. 28) отдана ему Гарасиму. И ис списка меновой записи выписано. В прошлом, во 155-м году, мая в 24 день боярин Борис Иванович Морозов променил в дом Пречистые Богородицы чудотворныя иконы Одегитрия Смоленския Новаго девичья монастыря игу-

меньше с сестрами двор свой в Кремле городе у Каменного мосту у Знаменских ворот. А в межах тот ево двор: с сторонь городовая стена Кремля города, а з другую сторону в межах двор боярина Федора Ивановича Шереметева от городовые стены по Мостовую улицу, а с третью сторону в межах у Мостовой улицы, а по четвертую сторону по Мостовой же улицы до городовые стены к Знаменской башне. А по мере того ево двора и с садом длиннику от Знаменской башни подле городской стены до двора боярина Федора Ивановича Шереметева сорок одна сажень, длиннику ж по другую сторону от троецкаго подворья по Мостовой улице до двора боярина Федора Ивановича тридцать сажень, а поперешнику от Мостовой улицы подле двора боярина Федора Ивановича Шереметева до городовые стены осмнатцать сажень, в другом конце поперешнику ж подле Мостовой улицы до Знаменской башни осмнатцать сажень с хоромы и со всем дворовым строеньем впрок без выкупу. И против того меновного двора выменил // (сст. 29) он, боярин Борис Иванович Морозов в Кремле ж городе возле Спаского мосту Новодевичя монастыря подворье. А в межах то подворье с сторону ограда каменная Чюдова монастыря, а з другую сторону в межах двор боярина Семеновы ж Васильевича Головина боярыни вдовы Ульяны Федоровны, а с третью сторону тово ж Семенова двора Васильевича ограда каменная подле Спаского ж мосту, а с четвертую сторону от чюдовских задних ворот к Спаскому мосту к той же каменной ограде. А в мере того их двора длиннику боярина Семеновы жены Васильевича Головина вдовы Ульяны Федоровны от двора подле чюдовские ограды до чюдовских задних ворот дватцать три сажени, по другую сторону длиннику ж Спаского ж мосту к площади подле каменные ограды дватцать сажень. А поперешнику в том их дворе от Спаского мосту подле двора боярина Семеновы жены Васильевича Головина боярыни вдовы Ульяны Федоровны дватцать три сажени, а в другом конце поперешнику ото Спаского ж мосту от площади до чюдовских задних ворот до ограды ж дватцать девять сажень со всем дворовым строеньем и с хоромы впрядь в род без выкупу. А у подлинной меновой записи вместо боярина Бориса Ивановича Морозова околничей Петр Тиханович Траханиотов руку приложил.

И в прошлом во 177-м году сентября в 24 день думной дворянин Прокофей Козмич Елизаров да Семен Васильевич Ларионов, да дьяки Федор Протопопов, да Иван Рагозин, слушав // (сст. 30) выписки, велели Новаго девичя монастыря за игуменьей Меланьей с сестрами прежнее их променное подворье по государеву указу и по памяти ис приказу Болшаго дворца справить и дать им на то место даная.

И по указу великого государя двор боярина Бориса Ивановича Морозова и подворье Новодевичя монастыря, что против двора боярина князя Юрья Петровича Трубецкого, после пожару Стрелецкого приказу измерено вновь.

А по мере боярина Бориса Ивановича Морозова двор.

Вдлину от передних ворот к Вознесенскому монастырю до погребя, что посеред двора, 15 сажень, от погребя до полаты, что посеред двора подле деревяных

хором 8 сажень бес чети, полата 6 сажень с аршином, от полаты до поваринных полат 10 сажень с аршином, поваренная полата 5 сажень с аршином. Всего длиннику 45 сажень бес чети.

Поперег в переднем конце по воротам от Ивановские площади к задним воротам Чюдова монастыря 24 сажени.

В заднем конце, что подле Вознесенского монастыря, 21 сажень. //

(сст. 31) А в писцовых книгах прошлого 147-го году писма и меры Ивана Писемского написано: подворье Новодевича монастыря вдлину 26 сажень с четвертью, поперег от Большой улицы к Спаским воротам 19 сажень с четью, а от Чюдова монастыря поперечнику 18 сажень бес чети. И учинен поперечник 18 сажень с полусаженью.

Двор Семеновы жены Васильевича Головина вдовы Ульяны Федоровны вдлину

От двора подле чюдовские ограды до чюдовских задних ворот 23 сажени.

По другую сторону длиннику подле Спаского мосту площади, подле каменные ограды, 20 сажень.

Поперечнику в том их дворе в переднем конце 23 сажени.

В другом конце от Спаского мосту от площади до чюдовских задних ворот 29 сажень.

Подворье из Володимеря Рожественного монастыря, что велено ныне отдать на подворье Новодевича монастыря по мере.

Вдлину по воротам по Большой улице к Николаевским воротам 21 сажень. //

(сст. 32) В другом конце подле церкви Входа Иоросалима 12 сажень с полусаженью.

Поперег по улице, что ко двору боярина князь Никиты Ивановича Одоевского, 19 сажень с полусаженью.

В другом конце поперечнику от Николаевских ворот 9 сажень с третью.

А в писцовых книгах прошлого 147-го году написано.

Подворье из Володимеря Рожественного монастыря вдлину по улице по воротам 16 сажень.

Поперег от ворот 12 сажень.

И 182-го мая в 20 день великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец, слушев сей выписки, пожаловал Чюдова монастыря архимандриту Варнаву и келаря Варлама Палицына з братиею, указал двор боярина Бориса Ивановича Морозова отдать для кладбищ усопших в Чюдов монастырь против прежнего своего государева указа и дать им на тот двор свою государеву жалованную грамоту. //

Скрепа по сст. 5 об. — 13 об., 15 об. 23 об.: Думной дьяк Ларион Иванов.

Скрепа по сст. 13–14 об., 16 об. — 23 об. К сим спискам Новодевича монастыря стряпчей Матвей Скрябин руку приложил и подлинные даные к себе взял.

Скрепа по сст. 24 об. — 31 об., 32: Думной дьяк Ларион Иванов.

(*сст. 33*) Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Белыя Росии самодержцу бьют челом твои государевы богомольцы Чюдова монастыря архимандрит Павел, келарь Варлам с збратъею. В прошлом, государь, во 181-м году прежней архимандрит Иоаким и я, богомолец твой, келарь Варлам с братьею били челом отцу твоему государеву блаженные памяти государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Белыя Росии самодержцу боярина Бориса Ивановича о дворе, чтоб тому двору быть за Чюдовым монастырем для кладбища и для помяновения ради душ боярина Бориса Ивановича и жены ево боярыни Анны Ильичны и брата ево боярина Глеба Ивановича и племянника ево стольника Ивана Глебовича, что оне погребены в Чюдове монастыре. И отец твой государев блаженные памяти государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец пожаловал нас, богомольцов своих, тем двором боярина Бориса Ивановича Морозова, велел отдать в Чюдов монастырь на кладбища. И в Стрелецком приказе о том выписка помечена, а жалованная грамота нам не дана. Да у нас, богомольцов твоих, монастырских казенных денег взято за тот двор полторы тысячи рублей и отдано в Новой девич монастырь на их монастырское подворье. Милосердный государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, пожалуй нас, своих государевых богомольцов, вели, государь, на тот двор дать нам свою, великого государя, жалованную грамоту. Царь государь, смилуйся. //

(*сст. 33 об.*) 184-го марта в 6 день государь пожаловал, велел им на то место дать свою, великого государя, грамоту против прежнего указа отца своего государева блаженные памяти. //

(*сст. 34*) Божиею милостию мы, великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец пожаловали Чюдова монастыря архимандрита Павла да келаря старца Варлама Палицына с братьею и кто по них в том монастыре впредь будут архимандриты и братья, велели дать в тот монастырь свою государеву жаловальную грамоту на старое Новодевича монастыря подворье и на двор боярина Семена Васильевича Головина, которое подворье и двор было за боярином за Борисом Ивановичем и за племянником ево за Иваном Глебовым сыном Морозовыми. А в Новодевичь монастырь дать вместо того пустое место в Кремле городе у Николаевских ворот, что бывало подворье из Володимеря Рожественного монастыря. А за каменное строенье того двора взять ис Чюдова монастыря тысячу пятьсот рублей и отдать в Новодевичь монастырь на строение того пустого подворья потому.

В прошлом во 181-м году били челом отцу нашему государеву блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу Чюдова монастыря архимандрит // (*сст. 35*) да келарь старец Варлам Палицын с братьею, что-де боярин Борис Иванович и жена ево боярыня Анна Ильична и брат ево боярин же Глеб Иванович в Чюдов монастырь вкладчики и погребены в том же монастыре, а двор-де

их в межах к тому монастырю. И чтоб отец наш государев блаженные памяти великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец пожаловал для помяновения душ их, велел тот двор боярина Бориса Ивановича, что в межах к Чюдову монастырю, для монастрские службы и под кладбище умерших отдать в Чюдов монастырь со всем строенъем как владел боярин Борис Иванович. И во 181-м году били челом отцу нашему государеву блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу Новодевича монастыря игуменья Мелания да наместница старица Антонида с сестрами. Боярин-де Борис Иванович Морозов променил им двор свой в Кремле городе у Троецких ворот в межах посторонь ограда каменная городовая, по другую сторону Большая дорога, по третью сторону двор боярина Федора Ивановича Шереметева в Кремле ж городе на монастырское их подворье в межах по правую сторону Спаского мосту, по другую сторону Чюдова монастыря, по третью сторону Вознесенского девича монастыря. И данную им на тот двор дал. И на том променом дворе построены каменные житницы, а им-де дано было на время // (сст. 36) для монастырского приезде подворье из Володимеря Рожественного монастыря в Кремле ж городе. И с того-де подворья архимандрит их ссылает. И в прошлом во 176-м году по их челобитью велено им отдать старое их подворье, что они променили боярину Борису Ивановичю Морозову, и данная им на тот двор из Земского приказу дана. И на том-де дворе жила боярина Глеба Ивановича Морозова жена боярыня вдова Федосья Прокофьевна и тем их старым подворьем владеть им не дала. И чтоб отец наш государев блаженные памяти великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец пожаловал их велел им то их старое монастырское^b подворье, что в Кремле городе по прежнему указу отца нашего государева и по даной отдать. И по тому их челобитью Новодевича монастыря у стряпчего взяты с подлинных данных списки за рукою. А в тех списках написано.

Во 121-м году декабря в 18 день дана даная Новодевича монастыря игуменья Домникее с сестрами на дворовое место в Кремле городе подле Вознесенского монастыря. А на том месте полата вверху четыре переделы да в ысподи полат пять переделов да два погреба каменные, дано им то место было Петровское Головина против того, что при государе царе и великом князе Феодоре Ивановиче всея Руси взяты у них полаты и отданы в Вознесенской монастырь. А в Вознесенском монастыре на том месте в полатах поставили трапезу. И игуменья Домникее с сестрами теми полаты и погребы Петра Головина владеть и на том месте двор строити по старым межам как то дворовое место было за тем монастырем блаженные памяти при государе царе и великом князе Феодоре Ивановиче // (сст. 37) всеа Руси.

^b В ркп монастырское написано над строкой тем же почерком и более светлыми чернилами.

А в другой данной написано. Во 180-м году декабря в 10 день дана даная Новодевичя монастыря игуменья Меланье с сестрами на прежнее их подворье, что в прошлом во 155-м году променено было боярину Борису Ивановичю Морозову в Кремле городе потому. В прошлом во 176-м году июня в 25 день в памяти ис приказы Большого дворца за приписью дьяка Андрея Селина написано: в прошлом 176-м году июня в 18 день били челом отцу нашему государеву блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу Пречистые Богородицы Одигитрия Новодевичя монастыря игуменья Мелания да наместница старица Антонида с сестрами. По указу-де отца нашего государева после боярыни Анны Ильичны Морозовы отдано им в Кремле прежнее их монастырское подворье, что променено было боярину Борису Ивановичю Морозову. И на тоде подворье отца нашего государева жаловальные грамоты не дано и чтоб отец наш государев пожаловал их, велел на то подворье дать им свою государеву жаловальную грамоту, почему им впредь владеть. И отец наш государев блаженные памяти великий государь пожаловал их, велел прежнее их монастырское подворье в Кремле городе, что променено было боярину Борису Ивановичю Морозову, записать в Земском приказе в книгу за Новодевичим монастырем и дать им на то подворье данную. Помета о том на челобитной приказу Тайных дел диака Федора Михайлова. //

(*сст. 38*) И против той памяти в Земском приказе в писцовых книгах Кремля города писма и меры Ивана Писемского 147-го году написано: подворье Новодевичя монастыря вдоль дватцать шесть сажень с четвертью, а поперег от Большой улицы, что к Спаским воротам, девятнатцать сажень с четвертью, а от Чюдова монастыря поперечнику осматцать сажень без четверти. И учинен поперечник осматцать сажень с полусаженью. А боярина Бориса Ивановича Морозова двор, что у Троецких ворот, вдоль по передним воротам от улицы тритцать одна сажень, а поперечнику от двора боярина Федора Ивановича Шереметева семнатцать сажень с полчетвертью, а в другом конце от городских ворот от каменного мосту поперечнику пятнатцать сажень без полполполчетверти. И учинен поперечник семь сажень с полусаженью. Да в дачах прошлаго 171-го году апреля в 14 день написано: марта в 21 день била челом отцу нашему государеву блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею // (*сст. 39*) Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу боярина Бориса Ивановича Морозова жена ево боярыня вдова Анна Ильична, а в челобитной ее написано. В прошлом-де во 154-м году муж ее боярин Борис Иванович променил двор свой в Кремле городе у каменного мосту Новадевичя монастыря игуменья с сестрами на их монастырское подворье в Кремле городе у Спаского мосту. И на тот-де двор игуменья с сестрами мужу ее боярину Борису Ивановичю дали меновную запись. А в Земском приказе то монастырское подворье за мужем ее за боярином за Борисом Ивановичем по той меновной записи до 156-го году было не записано. А во 156-м году двор мужа ее воровские люди разорили и розграбили

без остатку и жалованные и послушные вотчинные грамоты и всякие крепости рознесли и передрали, и та меновная запись на то монастырское подворье в то ж время пропала. И чтоб отец наш государев пожаловал ее, велел тот меновный двор по писцовым книгам в Земском приказе в записные дворовые книги записать за нею боярынею вдовою Анною Ильичною и дать ей на тот двор данную. И по указу отца нашего государева блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца // (сст. 40) боярина Бориса Ивановича Морозова жене ево боярыне вдове Анне Ильичне на тот двор данная из Земского приказу дана. Да в прошлом же во 176-м году июля в 17 день Нового девича монастыря казенной подьячей Гарасим Пыпин подал меновную запись, и с той записи взят у него к делу список за рукою, а подлинная меновная запись, справя с списком, отдана ему Гарасиму. А в записи написано. В прошлом во 155-м году мая в 24 день боярин Борис Иванович Морозов променил в дом Пречистые Богородицы чудотворны иконы Одигитрия Смоленские Новодевича монастыря игуменье с сестрами двор свой в Кремле городе у Каменного мосту у Знаменских ворот. А в межах тот ево двор: с сторонь городова стена Кремля города, а з другую сторону в межах двор боярина Федора Ивановича Шереметева от городовые стены по Мостовую улицу, а с третью сторону в межах у Мостовой улицы, а по четвертую сторону по Мостовой же улицы до городовые стены к Знаменской башне. А по мере того ево двора и з садом длиннику от Знаменской башни подле городовой стены до двора боярина Федора Ивановича Шереметева сорок одна сажень, длиннику же // (сст. 41) по другую сторону от троецкого подворья по Мостовой улице до двора боярина Федора Ивановича тритцать сажень, а поперечнику от Мостовой улицы подле двора боярина Федора Ивановича Шереметева до городовые стены осмнатцать сажень, в другом конце поперечнику же подле Мостовой улицы до Знаменской башни осмнатцать сажень с хоромы и со всем дворовым строением впрок без выкупу. А против того меновного двора выменил он, боярин Борис Иванович Морозов, в Кремле же городе возле Спаского мосту Новодевича монастыря подворье. А в межах то подворье с сторону ограда каменная Чюдова монастыря, а з другую сторону в межах двор боярина Семеновы жены Васильевича Головина боярыни вдовы Ульяны Федоровны, а с третью сторону тово ж Семенова двора Васильевича ограда каменная подле Спаского мосту, а с четвертую сторону от чюдовских задних ворот к Спаскому мосту к той же каменной ограде. А в мере того их двора длиннику боярина Семеновы жены Васильевича Головина вдовы Ульяны Федоровны от двора подле чюдовские ограды до чюдовских задних ворот дватцать три сажени, по другую сторону длиннику ж Спаского ж мосту к площади подле каменные ограды дватцать сажень. А поперечнику в том их дворе от Спаского мосту подле двора боярина Семеновы жены Васильевича Головина боярони вдовы Ульяны Федоровны дватцать // (сст. 42) три сажени, а в другом конце поперечнику от Спаского ж мосту от площади до чюдовских задних ворот до ограды ж дватцать девять сажень со всем дворовым строеньем и с хоромы

впредь в род без выкупу. А у подлинной меновой записи вместо боярина Бориса Ивановича Морозова окольниковой Петр Тиханович Трохониотов руку приложил.

И в прошлом во 177-м году сентября в 24 день по указу отца нашего государева блаженные памяти великого государя^c то прежнее их променное место по памяти ис приказу Большого дворца справлено, и Новодевичя монастыря игуменье Меланье да наместнице старице Антониде с сестрами и кто по них в том монастыре впредь власти будут, прежним променным подворьем, что променили боярину Борису Ивановичю Морозову в Кремле городе подле Чюдова монастыря задних ворот к Мостовой улице к Спаскому мосту, велено владеть по той даной. А по мере боярина Бориса Ивановича Морозова двор вдлину от передних ворот до поваренных полат и с полатою сорок пять сажень без четверти, поперег в переднем конце по воротам от Ивановские площади к задним воротам Чюдова монастыря дватцать четыре сажени, // (сст. 43) в заднем конце, что подле Вознесенского монастыря, дватцать одна сажень. И во 182-м году мая в 20 день отец наш государев блаженные памяти великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец, слушав выписки, пожаловал^d Чюдова монастыря архимандрита Варнаву да келаря Варлама Палицына збратьею^e велел боярина Бориса Ивановича Морозова двор для кладбищ усопших отдать в Чюдов монастырь^f и дать им о том^g свою государеву жалованную грамоту. И по тому отца нашего государева блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца указу ево государевы жалованные грамоты в Чюдов монастырь было^h не дано.

И в прошлом во 184-м году марта в 6 день нам, великому // (сст. 44) государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу били челом Чюдова монастыря архимандрит Павел да келарь Варлам з братьею. В прошлом во 181-м году прежней архимандрит Иоаким да келарь Варлам з братьею били челом отцу нашему государеву блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу о дворе боярина Бориса Ивановича Морозова, чтоб тому двору быть в том монастыре для кладбищ и для помяновения боярина Бориса Ивановича и жены ево боярыни

^c В ркп великого государя написано над строкой тем же почерком и более светлыми чернилами.

^d В ркп пожаловал написано над строкой тем же почерком и более светлыми чернилами вместо зачеркнутого: и челобитья.

^e В ркп далее зачеркнуто более светлыми чернилами: пожаловал.

^f В ркп далее зачеркнуто более светлыми чернилами: по прежнему своему великого государя указу.

^g В ркп о том написано более светлыми чернилами на полях вместо зачеркнутого: на тот двор.

^h В ркп было написано над строкой тем же почерком и более светлыми чернилами.

Анны Ильичны, и сродников ево, потому, что-де они погребены в Чюдове монастыре. И по тому их челобитью отец наш государев блаженные памяти великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец пожаловал их, тот двор в Чюдов монастырь дать велел, а жаловальной грамоты на тот двор им не дано. Да из Чюдова ж монастыря взято из монастырских казенных денег тысяча пятьсот рублей и отдано в Новодевич монастырь на строенье их монастырского // (сст. 45) подворья. И чтоб мы великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец пожаловали их, велели на тот двор дать свою государеву жаловальную грамоту. И мы великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, соизволяⁱ прежнему указу отца нашего государева блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца велели на тот двор дать в Чюдов монастырь свою великого государя жаловальную грамоту: тому двору, которой был за боярином за Борисом Ивановичем Морозовым, быть за Чюдовым монастырем и владеть им тем двором по писцовым книгам. А Новодевича монастыря //^h(сст. 47) игумень с сестрами в тот двор не вступатца, потому что им вместо той земли дана порожжая земля, что было подворье из Володимеря Рождественного монастыря, да им же на строенье того двора даны многие денги. И на то на все дана им в Чюдов монастырь ся наша великого государя жаловальная грамота на вечное утверждение. Писан в нашем царствующем граде Москве лета 7185-го июня^k 23-го дня.

Белая грамота писана на большой александрийской бумаге на листу, кайма и на поле фигуры около всего писма, и великого государя имя писано золотом, а каймы по золоту писано всякими красками. Подпись на грамоте на зади думного дьяка Лариона Иванова такова.

Божиею милостию великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец. У той же грамоты назади справка такова: писал и справил Посольского приказу подьячий Андрей Иванов.

У грамоты, где великого государя вислой печати быть, кустодея, шнурок.

Да на лице на письме привязана с кустодьею шнурком. //

РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. 1677 г. Д. 16. Сст. 1–48. Подлинник.

ⁱ В ркп соизволя написано над строкой теми же почерком и чернилами.

^j Сст. 46 и 48 являются вставкой с правкой и пометой: (сст. 46) Вычитка. И игумень с сестрами порожжая земля, что было подворье из Володимеря Рождественного монастыря в тот двор не вступатца, потому что им вместо той земли // (сст. 48) дано же на строенье того двора многие денги. И на то на все дана им в Чюдов монастырь ся наша государева жалованная грамота на вечное утверждение. Писан в царствующем граде Москве 7185-го апреля –го дня. //

^k В ркп июня написано над строкой теми же почерком и чернилами вместо зачеркнутого: мая.

- ¹ Повесть о боярыне Морозовой / Подг. текста и исследование А. И. Мазунина. Л., 1979. С. 137.
- ² *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев посад, 1912. Т. I. С. 523–524.
- ³ *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967; *Карцов В. Г.* Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Т. I. Калинин, 1971; *Румянцева В. С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986.
- ⁴ *Успенский Б. А.* Раскол и культурный конфликт XVII в. // Успенский Б. А. Семиотика истории. Семиотика культур. М., 1996. С. 333–367.
- ⁵ *Глинчикова А.* Раскол или срыв «русской Реформации». М., 2008.
- ⁶ *Житие протопопа Аввакума.* М., 2011. С. 364.
- ⁷ Там же. С. 62.
- ⁸ Там же. С. 327.
- ⁹ См.: *Седов П. В.* Закат Московского царства. С. 160–161.
- ¹⁰ Повесть о боярыне Морозовой. С. 132.
- ¹¹ Там же. С. 132–133.
- ¹² Там же. С. 131.
- ¹³ Там же. С. 135.
- ¹⁴ Там же. С. 135–136.
- ¹⁵ Там же. С. 136.
- ¹⁶ Там же. С. 137–138.
- ¹⁷ Подробнее см.: *Седов П. В.* Закат Московского царства. С. 155–174.
- ¹⁸ *Житие протопопа Аввакума.* С. 215.
- ¹⁹ Повесть о боярыне Морозовой. С. 139–140.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 681. Л. 28 об. — 29.
- ²¹ Повесть о боярыне Морозовой. С. 142.
- ²² Там же. С. 145.
- ²³ Там же. С. 141.
- ²⁴ Там же. С. 147.
- ²⁵ Там же. С. 147.
- ²⁶ *Субботин Н.* Материалы для истории раскола. М., 1881. Т. VI. С. 228–229.

References

- CHISTOV K. V. *Russkie narodnye social'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* [Russian folk socio-utopian legends of the XVII–XIX centuries. In Russ.]. М., 1967.
- GLINCHIKOVA A. *Raskol ili sryv «russoj Reformacii»* [Split or breakdown of the «Russian Reformation». In Russ.]. Moskva, 2008.
- KAPTEREV N. F. *Patriarh Nikon i car' Aleksej Mihajlovich* [Patriarch Nikon and Tsar Alexei Mikhailovich. In Russ.]. Sergiev Posad, 1912. Т. I.
- KARCOV V. G. *Religioznuj raskol kak forma antifeodal'nogo protesta v istorii Rossii* [Religious split as a form of anti-feudal protest in the history of Russia. In Russ.]. Т. I. Kalinin, 1971.
- Povest' o boyaryne Morozovoj* [The Tale of Boyarina Morozova. In Russ.] / Podg. teksta i issledovanie A. I. Mazunina. Leningrad, 1979.
- RUMYANCEVA V. S. *Narodnoe anticerkovnoe dvizhenie v Rossii v XVII veke.* [The popular anti-church movement in Russia in the 17th century. In Russ.]. Moskva, 1986.
- SEDOV P. V. *Zakat Moskovskogo carstva. Carskij dvor konca XVII v.* [Sunset of the Moscow kingdom. The tsar court at the end of the 17th century. In Russ.]. St Petersburg, 2008.
- SUBBOTIN N. *Materialy dlya istorii raskola* [Materials for the history of the split. In Russ.]. Moskva, 1881. Т. VI.

USPENSKIJ B. A. *Raskol i kul'turnyj konflikt XVII v.* [The split and cultural conflict of the XVIIth century. In Russ.] // Uspenskij B. A. *Semiotika istorii. Semiotika kul'tur.* М., 1996.
Zhitie protopopa Avvakuma [Life of Archpriest Habakkuk. In Russ.]. Moskva, 2011.

Список литературы

Глинчикова А. Раскол или срыв «русской Реформации». М., 2008.
 Кантрев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев посад, 1912. Т. I.
 Карцов В. Г. Религиозный раскол как форма антифеодалного протеста в истории России. Т. I. Калинин, 1971.
 Повесть о боярыне Морозовой / Подг. текста и исследование А. И. Мазунина. Л., 1979.
 Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986.
 Житие протопопа Аввакума. М., 2011.
 Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. СПб., 2008.
 Субботин Н. Материалы для истории раскола. М., 1881. Т. VI.
 Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII в. // Успенский Б. А. Семиотика истории. Семиотика культур. М., 1996.
 Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.

П. В. Седов. Судьба кремлевского двора боярыни Ф. П. Морозовой в контексте ее противостояния с царем

Статья посвящена истории сопротивления боярыни Феодосии Прокофьевны Морозовой царю Алексею Михайловичу по поводу церковной реформы XVII в. Смерть Ф. П. Морозовой и двух ее единомышленниц в тюрьме в 1675 г. стала одним из наиболее значимых эпизодов в истории раскола XVII в. На основе новых архивных данных автор установил местоположение двора боярыни, которая проживала на подворье своего деверя боярина Б. И. Морозова — в Кремле на пересечении Спасской улицы и Ивановской площади. Этот новый факт позволил по-новому оценить обстоятельства расправы над Ф. П. Морозовой, которая жила в богатых палатах в центре Кремля. В глазах придворных это важное обстоятельство усиливало значение неповиновения боярыни царской воле. Расправа над представительницей богатого и знатного рода подчеркивает сущность раскола XVII в., который был порождением неограниченной самодержавной власти, требовавшей безоговорочного подчинения в вопросах веры.

Ключевые слова: Московский Кремль, раскол, старообрядцы, боярыня Морозова, царь Алексей Михайлович.

P. V. Sedov. The history of the Kremlin court of the boyarynia Feodosia Morozov a in the context of her confrontation with the tsar

The article deals with the history of the resistance of the boyarynia Feodosia Prokofievna Morozova to the Tsar Alexei Mikhailovich on the ecclesiastical reform of the 17th century. The death of F. P. Morozova and her two like-minded women in the prison in 1675 became one of the most significant episodes in the history of the split of the 17th century. On the basis of new archival data, the author established the location of the boyarynia court, which resided in the courtyard of her brother-in-law boyar Boris Morozov — in the Kremlin at the intersection of Spasskaya Street and Ivanovskaya Square. This new fact made it possible to re-evaluate the circumstances surrounding the massacre of Feodosia Morozova, who lived in rich chambers in the center of the Kremlin. In the eyes of the court, this important circumstance strengthened the importance of disobeying the noblewoman of the Tsar's will. The punishment of a representative of a rich and noble family emphasizes the essence of the schism of the 17th century, which was the product of an unlimited autocratic power that demanded unconditional subordination in matters of faith.

Key words: the Moscow Kremlin, the schism, the Old Believers, boyarynia Morozova, Tsar Alexei Mikhailovich.

Седов, Павел Владимирович — д.и.н., заведующий Отделом древней истории России СПбИИ РАН.
 Sedov, Pavel Vladimirovich — Dr. of Sciences (History), Head of Medieval Russian History Division of the St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: sedovpv@rambler.ru